

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ**

*межрегиональная научная конференция
с участием иностранных докладчиков*

РОМАНОВЫ В ДОРОГЕ: путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу

12–13 ноября 2013 г.

*в рамках II Всероссийского совещания славистов,
посвященного 1150-летию славянской письменности и
110-летию первого Съезда русских славистов*

ТЕЗИСЫ

Москва 2013

УДК 929
ББК 63.3(2)
Р-96

Ответственный редактор
доктор исторических наук
О.В. Хаванова

На обложке: «Дорожный возок Екатерины II».
Гравюра Гоппе (XVIII в.)

Романовы в дороге: путешествия и поездки членов царской Р-96 семьи по России и за границу. Тезисы межрегиональной научной конференции 12–13 ноября 2013 г. — М.: Институт славяноведения. — 32 с.

ISBN 978-5-7576-0293-6

УДК 929
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-7576-0293-6

© Институт славяноведения РАН, 2013
© Авторы, 2013

Научное издание

**РОМАНОВЫ В ДОРОГЕ:
ПУТЕШЕСТВИЯ И ПОЕЗДКИ ЧЛЕНОВ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ
ПО РОССИИ И ЗА ГРАНИЦУ.**

ТЕЗИСЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
12–13 НОЯБРЯ 2013 Г.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
О.В. Хаванова

Подписано в печать 29.10.2013. Формат 60x90 1/16

Тираж 100 экз.

Издательский центр Института славяноведения РАН

ISBN 978-5-7576-0293-6

9 | 785757 | 602936

ПАЛОМНИЧЕСТВА ПО СВЯТЫМ МЕСТАМ ПЕРВЫХ ЦАРЕЙ ИЗ ДОМА РОМАНОВЫХ В XVII в.

Московские государи часто совершали паломничества по святым местам. Порой это делалось по обету, данному в какой-то опасный, кризисный или по иному значимый момент их жизни. Обязательны были моления в отдаленных монастырях (наряду с обходом кремлевских святынь) о рождении наследника престола.

Самым любимым и часто посещаемым был, безусловно, Троице-Сергиев монастырь. «Троицын ход» совершался каждую осень, так как день памяти Сергия Радонежского выпадает на 25 сентября. Эти ежегодные выезды царской семьи на богомолье были самыми масштабными. Как правило «Троицын ход» оформлялся очень торжественно. Сохранилось подробное описание выезда Алексея Михайловича с семьей и всем «двором» в эту паломническую поездку 19 сентября 1675 г., представляющее особый интерес.

«Троицын ход» пролегал через несколько царских «станов», где делались остановки и были построены церкви и путевые дворцы: первая остановка делалась в селе Алексеевском, царской вотчине, затем в селе Тайнинском в пятнадцати верстах от Москвы, еще через пятнадцать верст в селе Братошине и последняя в селе Воздвиженском, в десяти верстах от Троице-Сергиева монастыря. Там их встречали представители обители, чтобы «ударить челом» государю. Последний отрезок паломнического пути от Кесовых прудов рядом с Клементьевой слободой до обители государь и его семейство («весь дом») часто проходили пешком.

Михаил Федорович обычно после посещения Троице-Сергиева монастыря не возвращался сразу домой, а двигался дальше, в Александрову слободу и Переславль-Залесский, где молился в Никитском монастыре. В праздник Покрова Михаил Федорович любил выезжать в село Рубцово в храм Покрова, памятуя особое его значение в связи с последним походом королевича Владислава на Москву в 1618 г. Там он давал «стол» для приближенных, среди которых были бояре князь И.Б.Черкасский, князь А.Ю.Сицкий, окольничий Ф.Л.Бутурлин и другие.

Среди монастырей, которые любил посещать Алексей Михайлович, значились помимо Троице-Сергиевой лавры Саввино-Сторожевский и Пафнутьево-Боровский. Два последних были также особенно чтимы и его дедом, патриархом Филаретом, в этом их предпочтения явно совпадали. Впервые в статусе великого государя Алексей Михайлович посетил их сразу же после своей коронации в 1645 г.

Феодор Алексеевич продолжил традицию Троицына хода. Среди любимых паломнических маршрутов Феодора Алексеевича значились все тот же Саввино-Сторожевский монастырь (так, он посетил его в сентябре 1680 г. «по обету» после женитьбы на Агафье Грушецкой) и Иосифо-Волоколамский монастырь.

Несмотря на разные предпочтения в выборе мест паломничества или святынь, московские государи уделяли им в своей повседневной жизни очень большое место, порой, только завершив один поход по святым местам, тут же отправлялись в другой. Правда, интенсивность посещения монастырей и храмов в разные годы бывала различной. Поездки по монастырям обычно сопровождались богатыми вкладами и пожертвованиями.

А.В. ТОПЫЧКАНОВ

(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

ЦАРСКАЯ ЗАГОРОДНАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ VS. МОСКВА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

В докладе анализируются случаи противопоставления и противостояния царских загородных резиденций и Москвы в ходе бунтов, стрельческих восстаний и заговоров. Царь одобрял и поощрял символическое противопоставление этих политических пространств и использовал резиденции для трансформации политической системы и политической культуры России во второй половине XVII в. Однако такое функционирование загородных резиденций провоцировало конфликты.

К. ШТЕППАН

(Инсбрукский университет, Австрия)

РОМАНОВЫ КАК «ЭКСКУРСОВОДЫ»: ПОЕЗДКИ С АВСТРИЙСКИМИ ДИПЛОМАТАМИ К ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЯМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Дипломатические отношения между Священной Римской империей и Россией в 1720–1730-е годы свидетельствуют о том, что Петр I и его наследники выступали в роли «экскурсоводов» для имперских (австрийских) послов. Эти путешествия были не только возможностью продемонстрировать новые военные, архитектурные и иные культурные достопримечательности молодой Российской империи, ее новой столицы, но и служили индикаторами взаимоотношений между приглашающим монархом и двором приглашенного дипломата. Доклад рассматривает указанные функции этих экскурсий на примере поездки в Кронштадт имперского посла графа Штефана Вильгельма Кинского.

Кинский, который с сентября 1721 г. находился при русском дворе с целью заключения союзного договора, сразу по приезде в Санкт-Петербург был приглашен Петром I совершить совместную поездку, во время которой тот сам показал дипломату главный порт русского флота. Кинский был очень польщен и истолковал приглашение как очевидный знак сближения с русским императором. Однако от чувства восхищения не осталось и следа после того, как Петр устроил такую же «экскурсию» для французского посла Жан-Жака Кампредона.

На примере этого и подобных путешествий показываются не только попытки иностранных послов снискать благосклонность русских самодержцев, но и двойная игра царя с возможными союзниками. Таким образом, рассматриваемые дипломатические «экскурсии» служат примером политического характера культурных мероприятий при дворах раннего Нового времени.

Н.Ю. БОЛОТИНА

(Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ)

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ ЦАРЕВНЫ ПРАСКОВЬИ ИВАНОВНЫ: ЦЕРЕМОНИАЛ ПОХОРОН ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛИИ РОМАНОВЫХ

Основу церемониала членов императорской фамилии заложил порядок погребения Петра Великого. Церемония похорон была составлена ближайшим сподвижником императора Я.В. Брюсом по образцу французских, немецких и шведских королевских погребений. В Российском государственном архиве древних актов хранится ряд интересных документов, связанных с похоронами членов императорской фамилии Романовых. Это специально составленные схемы шествий погребальных процессий с графическими, иногда в красках, изображениями гробов, императорских регалий, орденов и т.д. Как правило, в последний путь Романовых сопровождали их родственники — представители Романовых, придворные, гвардейские и армейские полки. Наиболее исследованы в настоящее время церемонии похорон монархов (см. кандидатскую диссертацию М.О. Логуновой «Траурный церемониал в Российской империи в XVIII-XIX вв.», защищенную в 2010 г. в Санкт-Петербурге), менее изучены церемониалы других представителей императорского дома.

Царевна, младшая дочь Ивана V Алексеевича и Прасковьи Фёдоровны Салтыковой, племянница императора Петра I Прасковья Ивановна (1694—1731) скончалась 9 октября 1731 г. Церемониал погребения был учрежден согласно порядку введенному Петром I. Организацией

похорон руководил генерал-губернатор Московской губернии граф Г.П. Чернышев. В Российском государственном архиве древних актов сохранилось дело с описанием порядка шествия похоронной процессии, составленное в Кабинете императрицы Анны Ивановны, которое позволяет подробно рассмотреть порядок шествия царевны в последний путь, элементы церемониала и круг лиц, в том числе Романовых, сопровождавших гроб Прасковьи Ивановны.

За три дня до похорон 28 октября 1731 г. гроб с телом царевны был вынесен в зал ее палат, соответственно «убранный». На стене против дверей была повешена мантия императорской фамилии из золотной ткани («золотные ткани» — узорные или гладкие материи, при ткачестве которых использованы нити из драгоценного или цветного металла), подбитой горностаевым мехом. На ней было помещено изображение российского герба «черною краскою под короною». Под гербом «на широкой пунсовой ленте» крепился орден Св. Екатерины, которым была награждена царевна.

1 ноября 1731 г. состоялись похороны. Описание траурного церемониала включает уникальное изображение шествия, в котором имеются схематичные изображения гроба Прасковьи Ивановны и императорских регалий, а также перечень участвующих в траурной церемонии персон. Процессию сопровождали солдаты, образуя шеренги по правой и левой сторонам, причем в одной шеренге были солдаты с ружьем, в другой — с факелами. Катафалк с гробом сопровождали лакеи с факелами. Перед процессией шли гренадеры, литаврщики и трубачи, за ними верхом шталмейстер и гоф-фурьер. В первых шеренгах процессии — камергеры, пажы, придворные кавалеры, синодальные и придворные певчие, затем священнослужители всех рангов, затем военные: генералитет и офицеры.

В центре процессии находились московский генерал-губернатор Г.П. Чернышев, принцесса Анна Петровна и царевна Елизавета Петровна в окружении «ассистентов генеральского ранга», за ними шли статс-дамы и фрейлины. Похоронная процессия из дворца царевны Прасковьи Ивановны прошла по улицам Знаменке, Тверской, вышла на Красную площадь через Воскресенские ворота. Пройдя по Красной площади, вошла в Кремль через Спасские ворота. Погребена царевна была в Вознесенском монастыре Московского Кремля.

Г.В. ИБНЕЕВА

(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

ЕКАТЕРИНА II И РОССИЙСКОЕ ДВОРЯНСТВО В ЦЕРЕМОНИАЛЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ПУТЕШЕСТВИЯ

Доклад посвящен взаимодействию императрицы Екатерины II с российским дворянством в ходе высочайших путешествий. Изучение данной проблемы позволяет выявить приоритеты её политики в отношении первенствующего сословия страны.

Важным аспектом проблемы является анализ церемониала путешествий императрицы, который показывает значимость дворянства для верховной власти. Встречи дворянства с Екатериной вызвали чувство единения: она консолидирует вокруг себя первенствующее сословие. Дворяне выступают монолитной общностью, связанной едиными интересами, культурными запросами, словесными нуждами.

Церемониал высочайших путешествий — это пространство легитимации власти. Важным средством легитимации власти являлись речи, приветственные слова, встречающих императрицу. В докладе уделяется внимание речам предводителей дворянства, в которых был отражен концепт «общего блага», связанный с личностью государыни, и легитимирующий её власть. Это представление императрицы как попечительницы об «общем благе», подчеркивалось и выбранной ими риторикой.

Одной из важнейших задач, которую ставила верховная власть, являлось повышение культурного уровня дворянства. Императрица в общении с ним делала для себя определённые выводы относительно его культурного уровня, образования, светскости. В докладе показывается, что Екатерина желала видеть в дворянстве в культурном отношении.

Дворянство в свою очередь выбирало определённую модель поведения — культурного просвещенного сословия. В этом заметно его желание показать, что оно соответствует культурным запросам императрицы, что оно действительно является первым сословием — опорой трона в силу своих высоких культурных запросов. Культурное пространство объединяло дворянство и императрицу общностью культурных интересов.

В деле модернизации государства особая роль принадлежала первому сословию. Именно оно должно было управлять страной, из его среды, прежде всего, рекрутировались кадры для функционирования местных учреждений. Поэтому другим важным вопросом, занимающим Екатерину в её поездках по стране, была проблема образования и обучения детей дворянства.

Российская монархия не проходила мимо проблем, касающихся жизни дворянского общества. В Казани она столкнулась с проблемой самоуправления казанского дворянского общества. В этом городе она обнаружила раздоры между местной властью и дворянами. К моменту её приезда здесь продолжалась ссора между казанским губернатором А.Н. Квашниным-Самариным и большинством казанского дворянства. В докладе обращается внимание на средства погашения конфликта в дворянском обществе Казани.

Как отражалось попечение Екатерины II о дворянстве? Она с чуткостью относилась к тому, что касалось дворянских судеб: не оставляла без внимания вручённые ей прошения от дворянства. В докладе уделяется внимание и тому, как власть воспринимала проблемы, стоявшие перед дворянским населением, в том числе и хозяйственно-экономические потребности дворянства.

ПУТЕШЕСТВИЯ ЕКАТЕРИНЫ II ПО РОССИИ В ПУБЛИКАЦИЯХ ГАЗЕТ «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ» И «САНКТПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Путешествия Екатерины Великой по России были важными мероприятиями просвещённого абсолютизма, позволявшими решать многие задачи внешней и внутренней политики. Эти поездки находили отражение в русской периодической печати.

В «Московских ведомостях» и «Санктпетербургских ведомостях» в 1764, 1767 и 1787 гг. публиковались журналы путешествий, два из которых вышли впоследствии отдельными изданиями¹, и сообщения о прочих поездках (кроме поездок 1763 и 1765 гг.). Журналы 1764 и 1787 гг., а также официальные известия о поездках, принадлежащие перу спутников императрицы², носят информативный характер, подробно описывая церемонии встреч и проводов, действия Екатерины II в том или ином городе. Журнал 1767 г. и сообщения, присланные из городов очевидцами путешествий, выдержаны в верноподданническом тоне и полны похвал государыне. В обеих газетах публиковался один и тот же текст журналов, а известия из городов³ могли содержаться в одной из газет и отсутствовать в другой.

Публикации выражали официальную точку зрения на поездки, разъясняя их цели и помогая реализовывать декларативную задачу путешествий — создание образа просвещённой матушки-государыни, стремящейся к благу своей страны: «Наша всемилостивейшая государыня... изволила осчастливить отдалённые провинции высочайшим своим присутствием, дабы собственным и проницательным своим воззрением пространства Богом вручённого ей владения осмотреть, недостатки отворотить и даровать жителям полное и долговременное блаженство»⁴;

¹ Газетные публикации: Московские ведомости (далее — МВ). 1764. Приб. № 54—63; Санктпетербургские ведомости (далее — СПбВ) 1764. Приб. №. 51—60; МВ 1767. Приб. №. 37—59; СПбВ 1767. Приб. №. 38—50; МВ 1787. № 6—58; СПбВ 1787. № 5—57. Отдельные издания: Журнал путешествия Ея Императорского Величества в Эстляндию и Лифляндию. СПб., 1769; Журнал высочайшего путешествия ея величества государыни императрицы Екатерины II, самодержицы Всероссийской, в Полуденные страны России в 1787 году. М., 1787.

² Е.Р. Дашкова сообщает, что Ф.С. Барятинский посылал сообщения о путешествии 1783 г. во Фридрихсгам в академическую газету (*Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестрам М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 168*). Речь идёт о «Санктпетербургских ведомостях», печатавшихся в типографии Академии наук.

³ Примеры сообщений из городов: МВ 1780. № 43, 46, Приб. № 49, 56.

⁴ МВ 1767. Приб. № 37.

«Во всех путешествиях первый Ея предмет есть польза и благополучие государства»¹. Подданные должны были уяснить, что путешествия для Екатерины II — не развлечение, а продолжение трудов на пользу России: «Во всё время путешествия не бывает... дня такого, в который бы... государыня от обыкновенных своих трудов, составляющих прямое блаженство Ея подданных, имела отдохновение, но всегда то в познании существенных обстоятельств... проезжаемых ею земель, то подаваемых губернаторам к поправлению их наставлениях, то в отправлении с разными касаемо до всего вообще государства делами [...] упражняться изволит»².

В известной степени публикации в «Московских ведомостях» и «Санктпетербургских ведомостях» отражали интерес русского общества к путешествиям. В «Московских ведомостях» о пребывании Екатерины II в Первопрестольной в 1785 г. рассказывается очень подробно³, в «Санктпетербургских ведомостях» же об этом не сказано ни слова. Два года спустя мы не найдём в столичной газете той части журнала путешествия в Крым, где говорится о посещении государыней Москвы.

Таким образом, периодическая печать, с одной стороны, демонстрировала официальную точку зрения на путешествия, позволяя Екатерине II создавать образ просвещённой государыни, а с другой — показывала интерес русского общества к поездкам императрицы.

О.В. ХАВАНОВА

(Институт славяноведения РАН)

ПРЕБЫВАНИЕ ЦЕСАРЕВИЧА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА В ВЕНЕ В 1781—1782 гг.: «УМНОЕ» ПУТЕШЕСТВИЕ ПРОСВЕЩЕННОГО МОНАРХА

Немецкий историк Н. Конрадс подсчитал, что между 1577 г., когда австрийский эрцгерцог Матиас отправился в путь под видом слуги, и 1982 г., когда императрица Цита смогла посетить Австрийскую республику под именем герцогини Барской, в европейской истории 41 государь путешествовал инкогнито, т. е. под вымышленным именем. Россия представлена в списке одним лишь царем Петром Алексеевичем, открывавшим для себя Европу как Петр Михайлов. Сам автор признает, что список далеко не полный⁴. В самом деле, там нет упоминания не только о кратковременном пребывании шведского короля Густава III под име-

¹ МВ 1767. Приб. № 47, также Приб. № 43.

² МВ 1767. Приб. № 46, также: Приб. № 42, 47, 52; МВ 1780. Приб. № 56.

³ МВ 1785. № 46—47.

⁴ *Conrads N. Das Incognito. Standereisen ohne Konventionen // Grand Tour: Adeliges Reisen und europäische Kultur vom 14. bis zum 18. Jahrhundert. / Hrsg. von R. Babel, W. Paravicini. Paris, 2000. S. 591—608.*

нем графа Готланда при Санкт-Петербургском дворе, но и о весьма продолжительном путешествии по владениям Австрийского дома графа и графини Северных (von Norden), за которыми скрывались цесаревич Павел Петрович с супругой Марией Федоровной.

Дипломатическая сторона этого ответного, по сути, визита к императору Священной Римской империи Иосифу II, ранее в том же году посетившему Россию, описана, например, в монографии М.А. Петровой¹. Между тем, у путешествия была насыщенная, продуманная и весьма разнообразная культурно-просветительская программа, о которой редко вспоминают современные исследователи. Княгиня Е.Р. Дашкова называла заграничные поездки с образовательными целями «умными» путешествиями. Наследник российского престола, наряду с укреплением дружбы с союзным ему австрийским императором, с которым познакомился во время его визита в Россию, имел целью встречи с ключевыми фигурами австрийской политики, придворным обществом, знаменитым на всю Европу строгим церемониалом. Не было дня, чтобы великокняжеская чета не осматривала достижения культуры и искусства, образовательные или благотворительные учреждения, не посещала историко-культурных достопримечательностей или не любовалась красотами природы.

Пребывание Павла Петровича в Вене документировано в источниках различного происхождения: донесениях русского посла князя Д.М. Голицина, реляциях князя И.Л. Кобенцля из Санкт-Петербурга и его переписке с императором Иосифом II, в письмах Екатерины II к сыну, в газете «Wiener Zeitung», наконец, в актах и счетах Венской придворной казенной палаты. Из них, с одной стороны, создается картина, каковы были церемониал и содержание культурно-ознакомительной программы для членов правящих домов, находящихся в австрийской столице с визитами. С другой стороны, предоставляется возможность воссоздать интересы и предпочтения самих царственных гостей, а также проследить влияния, которые путешествие в дальнейшем оказало на их вкусы и круг интересов.

К. КЛЕВИНГ, М. ДЖОКИЧ

(Институт Восточной и Юго-Восточной Европы, Регенсбург)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И ОТПРАВЛЕНИЕ МОНАРХИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ: «ИМПЕРАТОРСКИЕ» ПУТЕШЕСТВИЯ ИОСИФА II И ФРАНЦА I (1768-1835)

Около 1800 г. повсеместно в Европе абсолютизм как форма правления достиг предела своих возможностей. Неэффективность политичес-

¹ *Петрова М.А.* Екатерина II и Иосиф II: формирование российско-австрийского союза, 1780–1790. М., 2011.

кой системы, в которой монарх обладал исключительным правом принятия решений, со всей очевидностью проявлялась уже в его растущей неспособности осуществлять тотальный контроль над делами в государстве. Просвещенно-бюрократический абсолютизм на поздней стадии своего развития старался найти выход из сложившегося положения. В рассматриваемый период в Габсбургской монархии произошли основополагающие изменения, затронувшие также сам способ отправления власти в целях усиления рационального начала и обновления легитимности монархического волеизъявления.

В рамках этого процесса важная роль принадлежит частым путешествиям императоров Иосифа II (1765/1780—1790) и Франца I (1792—1735) по своим обширным владениям. Оба государя часто исполняли свои обязанности не из Вены, но по дороге в ту или иную их часть подвластной им империи, которая в то время не была еще достаточно изучена статистиками и государствоведами. Таким образом им удалось составить собственное впечатление о землях монархии в целом и ее структуре, на которое они полагались при принятии решений, идя при этом вразрез с мнением центральных органов власти в Вене. Благодаря таким путешествиям монархи вступали в непосредственные контакты с представителями местных властей и простыми подданными, в памяти которых подобные встречи оставляли неизгладимый след.

Центральные по своему значению для обозначенной темы источники хранятся в фонде «Путешествия двора» в Австрийском государственном архиве в Вене. Находящиеся там собственноручные записи обоих государей, касающиеся их служебных поездок по империи, исключительно разнообразны. Они открывают уникальную перспективу на репрезентацию, а также принципы, лежавшие в основе практики монархического правления, и имевшуюся в наличии систему административных или околорадаривных институтов.

И.В. МЕРКУЛОВ

(Санкт-Петербургский государственный университет)

АЛЕКСАНДР I ПРИ ГЛАВНОЙ КВАРТИРЕ ВО ВРЕМЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 Г. И ЗАГРАНИЧНЫХ ПОХОДОВ ГЛАЗАМИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКРЕТАРЯ А.С. ШИШКОВА¹

Номенклатура публикаций источников личного происхождения по истории Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов весьма

¹ Исследование выполнено в рамках Гранта Президента РФ для молодых кандидатов наук. Проект МК-4201.2013.6.

обширна, что уже давно позволило выйти на уровень их комплексного исследования. Однако следует признать актуальность нового прочтения уже известных текстов, что подразумевает их пристальное изучение с целью верификации, извлечения латентной информации и понимания ее через призму авторских целевых установок и специфику их породившей современности.

Среди богатого творческого наследия А. С. Шишкова, который в 1812—1814 гг. занимал пост государственного секретаря и находился при Главной квартире, есть относительно небольшие по объему «Краткие записки...», впервые появившиеся в печати в 1831 г. Публикация пришлась как нельзя кстати в связи с событиями в Европе, катализированными Июльской революцией во Франции, и могла способствовать утверждению легитимистских начал в истолковании прошлого и современности.

Вместе с тем в 1870 г. в Берлине и Праге было выпущено посмертное издание «Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова». Соответствующая часть «Записок (1780—1814)», вошедших в этот двухтомник, текстуально близка к «Кратким запискам...». Эти тексты не предназначались автором для печати, поэтому содержание их свободно от цензурных ограничений. Вследствие чего встает вопрос о принципах его редакторской работы, а следовательно, о специфике оценок событий и участвовавших в них лиц, центральной фигурой среди которых был император Александр I. Привлечение архивных материалов значительно расширяет возможности источниковедческого анализа.

Сюжетное сравнение обеих публикаций позволяет понять специфику редакции 1831 г. Ретуширование сводилось не только к исключению наиболее полемических мест рукописи, но и к вставкам, носящим конъюнктурный характер. Что касается первого, то автор, как ему представлялось, изъясил все критические замечания в отношении действий правительства и двора. Особенная забота его сводилась к недопущению компрометации Александра I. К другой категории изменений косвенно относящихся к императору пассажей относится смягчение или полное исключение резких характеристик отдельных лиц. Наконец, из текста было исключено все, что могло хотя бы в малой степени девальвировать картину священной национальной войны.

Изучение текстов позволяет:

- во-первых, более многогранно воспринимать образ императора, созданный на страницах записок;
- во-вторых, оценить этот образ через призму авторского восприятия и его различных целевых установок;
- в-третьих, понять особенности самоцензуры мемуариста и специфику цензуры государственной;
- в-четвертых, верифицировать сообщаемые сведения с учетом имеющейся источниковой и историографической базы.

Такой подход дает возможность рассматривать источники и интерпретировать содержащуюся в них информацию не утилитарно и изолированно, а в контексте эпохи и в связи с обстоятельствами появления текстов.

Л.А. КИРИЛИНА

(Институт славяноведения РАН)

ПРЕБЫВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I НА КОНГРЕССЕ В ЛАЙБАХЕ В 1821 г.

Приезд российского императора Александра I и его свиты в австрийский Лайбах (совр. Любляна) для участия в деятельности конгресса европейских держав под эгидой «Священного союза» — одна из многих его зарубежных поездок в годы, последовавшие за разгромом армии Наполеона Бонапарта и переделом политической карты Европы. Сообщения о поездке печатались в австрийской и русской прессе, о ней упоминает ряд биографов Александра I. Сведения в газетах имели чисто информативный, официальный характер и касались внешней стороны деятельности императора: когда и куда он приехал, в каких официальных мероприятиях принял участие, с кем встречался. В 2000 г. словенским историком Э. Хольц впервые были изданы дневниковые записи о конгрессе словенского историка и политика (в то время еще молодого чиновника) Х. Косты, где российскому императору уделено немалое внимание. О словенской возлюбленной русского царя подробно рассказывается в очерке словенского писателя Я. Трдины «Две возлюбленные», написанном на основании собранных им в 1848 г. воспоминаний. Дневниковые записи Х. Косты и лайбахского учителя Ф.К. Рихтера широко использовались словенским политиком и писателем И. Тавчаром при написании романа «За кулисами конгресса», среди действующих лиц которого фигурировали Александр I и князь П.М. Волконский.

На основании этих источников, не углубляясь детально в хитросплетения проходивших на конгрессе политических переговоров, мы попытаемся осветить ряд сюжетов, связанных с публичной стороной жизни Александра I и его свиты в Лайбахе, их участием в различных мероприятиях, устраивавшихся в городе, а также рассмотрим их контакты с местным населением и оставшиеся об этом впечатления.

«Священный союз» между Россией, Пруссией и Австрией (позже к нему присоединились Великобритания, а затем и Франция), как международная система, созданная на Венском конгрессе 1815 г., основывался на принципе равновесия сил и стремлении к сохранению статус-кво, сложившегося в Европе после победы над Наполеоном. Одной из его целей была взаимопомощь союзных государств в борьбе против всех проявлений «революционного духа». За Венским конгрессом последовали встречи европейских государей в Аахене (1818), Троппау (совр. Опава,

1820), Лайбахе (1821) и Вероне (1822). На конгрессе в Троппау, созванном по инициативе К. Меттерниха, главным вопросом стало подавление восстания в Неаполе, угрожавшего австрийскому владычеству в Ломбардии и Венеции. Для проведения переговоров с итальянскими монархами заседания было решено перенести ближе к Италии — в Лайбах. В начале января 1821 г. туда приехали представители 10 европейских государств (около 500 человек).

Александр I со свитой прибыл в Лайбах 7 января 1821 г., посетив по пути из Троппау Вену и Грац. Резиденцией его на время пребывания в городе стал Епископский дворец. 13 мая он отбыл из Лайбаха в Санкт-Петербург через Пешт и Варшаву.

Российский император стал одной из ключевых фигур на конгрессе, проходившем с 10 января по 22 мая. На тайных заседаниях обсуждались, прежде всего, меры по подавлению революционных выступлений в Неаполитанском королевстве, Испании и Греции, и позиция Александра I подчас имела решающее значение по ряду проблем, формировавших европейскую политику.

Помимо государственных дел немалое время Александр I, как и другие европейские монархи и их свиты, уделял светским обязанностям. Торжественные приемы, балы, смотры военных парадов, мессы, музыкальные и театральные представления шли чередой. Согласно сообщениям австрийской прессы и воспоминаниям горожан, российский император любил длительные прогулки по городу и окрестностям, выказывал живейший интерес к культуре и научным изысканиям краинцев, как немцев, так и словенцев. Находившиеся в свите императора князь Волконский и Лопухин имели контакты с некоторыми представителями словенской интеллигенции и обсуждали с ними вопросы, касающиеся близости словенского и русского языков.

Проведение конгресса европейских держав стало крупнейшим событием в жизни маленького провинциального города. У словенских жителей остались теплые воспоминания о пребывании в Любляне российской делегации. Это был первый опыт довольно тесного общения словенцев и русских на протяжении более четырех месяцев, и он, несомненно, способствовал осознанию обеими сторонами языковой и культурной близости русского и словенского народов.

Е.В. БЕСПАЛАЯ

(Московский городской педагогический университет)

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ СТРАНСТВУЮЩЕГО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

Двадцатичетырехлетнее правление Александра I, наиболее загадочного представителя дома Романовых, сопровождалось многочис-

ленными поездками. Необходимость совершения венценосным правителем частых поездок по Российской империи и за её пределами была вызвана рядом причин. Прежде всего, стремлением императора взять под свой контроль действия верховного командования русской армии в десятилетний период активного противостояния России наполеоновской Франции, военный конфликт с которой начался на территории Австрийской империи в 1805 г. и был завершён Венским конгрессом в 1815 г. По окончании общеевропейской войны возникла необходимость присутствия монарха победившей державы на международных конгрессах в Вене, Ахене, Троппау, Лайбахе и Вероне для выработки совместного с союзниками — Австрией, Пруссией и Англией нового миропорядка в Европе, а также совершения частных визитов в Лондон, Брюссель, Париж и Берлин. И, наконец, желанием Александра I ознакомиться с состоянием дел в Москве и российской глубинке после войны 1812 года с тем, чтобы «ускорить своим присутствием исполнение сделанных распоряжений» и во вновь присоединённых территориях — Бессарабии, Польше и Финляндии.

Поездки императора Александра (особенно после 1816 г.) довольно длительные по времени и расстоянию были сопряжены с большими трудностями, требовавшими от царя и его окружения хорошей физической подготовки. Протяжённость маршрута иногда достигала более десяти тысяч верст. В весенне-летнее время порой приходилось преодолевать довольно большие расстояния пешком либо верхом на лошадях по узким гористым тропам, болотистым и труднопроходимым местам, либо на шлюпках по бурным речкам. В осенне-зимнее время монарх и его свита, добираясь до цели путешествия по размытым дорогам в экипажах и в метель на санях, нередко оставались на ночлег всего на три часа, а затем вновь отправлялись в путь.

Стремление императора Александра к «беспрестанной перемене мест», сопровождаемой смотрами, парадами и маневрами русских войск было вызвано не только соображениями государственной целесообразности. По мнению историка Н.К. Шильдера, оно порождалось желанием царя заглушить впечатлениями от поездок то мрачное настроение, которое овладело им после окончания войны с Наполеоном, потребовавшей огромного напряжения сил. Со временем мистическое настроение Александра I усугублялось вследствие пережитых невзгод и разочарования в людях. Светская жизнь в столице императора не привлекала: он предпочитал путешествия нередко опасные для его жизни, но дававшие ему возможность общаться с народом, посещать храмы и больницы, участвовать в торжественных церемониях по открытию памятников и закладке храмов.

В сентябре 1825 г. Александр I вновь отправился в поездку, которая была вызвана печальными обстоятельствами. Известие о неизлечимой болезни супруги Елизаветы Алексеевны, по мнению врачей вряд ли

сумевшей пережить зиму 1825 г. в Петербурге, вынудило царскую чету прибыть в Таганрог. Эта поездка для императора Александра оказалась последней. Простудившись в Крыму, царь продолжил путешествие по югу России, посетив при этом больницу с инфекционными больными, встреча с которыми оказалась для него опасной. 19 ноября 1825 г. Александра I не стало. Известие о его смерти повергло вдовствующую императрицу Марию Федоровну и великого князя Николая Павловича в крайне печальное и трудное положение. Не менее сложна была ситуация и для окружения покойного императора, в том числе и для князя П.М. Волконского, неизменного спутника царя на протяжении многих лет, бывшего в это время с царственными супругами в Таганроге. Князю Волконскому приходилось решать многие вопросы по устройству траурной церемонии в ситуации междуцарствия, не имея порой самого необходимого и получая распоряжения какое-то время спустя из Петербурга и Варшавы, где находился цесаревич Константин.

Несмотря на имеющиеся трудности по организации и проведению церемонии погребения Александра I, вызванные огромным расстоянием в две тысячи верст, торжественная процессия переноса тела «странствующего монарха» в северную столицу была проведена исключительно организованно. В точном соответствии с деталями сложнейшего церемониала императорских похорон, разработанного Печальной комиссией во главе с князем А.Б. Куракиным и Таганрогской Чрезвычайной комиссией во главе с князем П.М. Волконским, печальное шествие, сопровождаемое войсками и конвоирами, торжественно проходило по направлению в Петербург через Москву. Это был последний путь просвещенного монарха по территории России.

О.С. КАШТАНОВА

(Институт славяноведения РАН)

ПУТЕШЕСТВИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА В СИСТЕМЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И ДИНАСТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Великий князь цесаревич Константин Павлович сыграл заметную роль в истории России и Польши конца XVIII — первой трети XIX в. Его имя неразрывно связано с выступлением декабристов на Сенатской площади 14 (26) декабря и восстанием в Царстве Польском в 1830—1831 гг.

Немаловажное значение в жизни Константина имели различного рода путешествия и поездки. По характеру этих поездок их можно разделить на несколько видов. Во-первых, инспекционные поездки как средство политической демонстрации. Классическим примером такой поездки

стало присутствие великого князя на смотре войск, расположенных на днестровской границе, в условиях ухудшающихся отношений с Турцией осенью 1800 г. Во-вторых, участие в военных действиях. Первый боевой опыт Константин Павлович получил в 1799 г. во время Итальянского и Швейцарского походов фельдмаршала А. В. Суворова. Он также участвовал в войнах 1805—1807 гг. против Наполеона, Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии. В-третьих, после образования конституционного Царства Польского в составе Российской империи в 1815 г. великий князь был назначен главнокомандующим польской армией и находился в Польше до 1830 г., являясь важным инструментом российского влияния. Пребывание в Царстве Польском, которое цесаревич первоначально воспринимал как «ссылку», способствовало его сближению с польской политической элитой (после заключения в 1820 г. морганатического брака с графиней Иоанной Грудзиньской) и постепенному ополячиванию. В период 1815—1830 гг. великий князь несколько раз приезжал в Петербург и Москву. Эти поездки имели порой немаловажное политическое значение. Во время своего приезда в Петербург в январе 1822 г. Константин подписал отречение от прав на российский престол. В августе 1826 г. великий князь находился в Москве на коронации императора Николая I, как бы подтверждая добровольность своего отречения. В-четвертых, собственно, классическая форма путешествий, к каковым можно отнести поездки на воды. В 1824, 1825 и 1829 гг. он побывал в Эмсе и Карлсбаде, сопровождая большую жену, а также нанес визит некоторым иностранным монархам.

Материалы о путешествиях великого князя лишь частично введены в научный оборот. Их всесторонний анализ поможет пролить свет на некоторые недостаточно изученные страницы политической и военной истории России.

Н.М. ФИЛАТОВА

(Институт славяноведения РАН)

ВАРШАВСКАЯ КОРОНАЦИЯ НИКОЛАЯ I В 1829 г.: РУССКИЙ И ПОЛЬСКИЙ ВЗГЛЯДЫ

При создании в 1815 г. конституционного Королевства (Царства) Польского под российским скипетром в польской конституции было записано (§ 45 титула III («О правительстве»)): «Все наши наследники по престолу Царства Польского обязаны короноваться Царями Польскими в столице согласно обряду, который будет нами установлен, и приносить следующую клятву: „Обещаюсь и клянусь перед Богом и Евангелием, что буду сохранять и требовать соблюдения Конституционной Хартии всею Моею властью“». Счел необходимым выполнить этот параграф

польской конституции лишь Николай I (несмотря на то, что Александр I, придавал большее значение своему статусу польского конституционного короля), не скрывая, однако, в частной переписке с братом, главнокомандующим польской армией великим князем Константином Павловичем, своего скептического отношения к этой процедуре.

Переписка свидетельствует о разногласиях братьев по поводу места польской коронации и самого обряда. Дело осложнялось тем, что православный монарх должен был короноваться как король католического государства, поэтому местом проведения церемониала Николай I определил Королевский замок в Варшаве. Под давлением Константина Николай I согласился, однако, на проведение в рамках коронации торжественного богослужения в католическом кафедральном соборе Варшавы.

Наряду со значимыми в глазах общества деталями обряда, состоявшегося 12 (24) мая 1829 г. в польской столице, и последующих торжеств, предметом рассмотрения в докладе станут формы репрезентации императорской власти в Королевстве Польском накануне и во время коронации (в частности, позиционирование Николаем I себя как польского короля — характерно, например, что во время этого визита императорского семейства в Польшу шли переговоры о возможном обучении наследника престола польской истории и языку), а также особенности отражения церемонии в польских и российских источниках (периодической печати, мемуарах, польской художественной литературе). Разница польского и русского взгляда на саму процедуру и значение коронации была обусловлена различным видением статуса Королевства Польского в составе Российской империи, а также различиями исторического сознания и национальной психологии.

З.Р. ГАФУРОВА

(Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», Москва)

УНИВЕРСИТЕТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ДОРОЖНОЙ КАРТЕ РОМАНОВЫХ

К началу 1860-х годов в Российской империи было 7 университетов: в Москве, в Санкт-Петербурге, в Дерпте, в Вильно, в Харькове, в Киеве, в Казани. Потом прибавились университеты в Одессе, Варшаве, Томске.

Можно сказать, что история большинства провинциальных университетов Российской империи связана с поездками и путешествиями царского дома Романовых. Это отношение *поездка—университет* не всегда было прямым, часто косвенным, и даже — опосредованным, однако оно имело место быть. Поэтому историю российских университетов допустимо рассматривать в контексте мобильной истории дома Романовых.

Так, в 1787 г., возвращаясь из Крыма, Екатерина II посетила Харьков. Специально к её приезду был построен дворец. Когда 17 января 1804 г. в Харькове учреждается университет, последний размещается именно в этом дворце (ныне здесь университетская библиотека). Наследники императрицы — Александр I, Николай I, Александр II, Николай II во время поездок в Харьков никогда не оставляли своим вниманием и жалованием университет.

Важно отметить, что университеты, основанные по указам Александра I, расположены в городах, которые он посетил либо самостоятельно, либо в поездках с отцом, Павлом I. Благодаря Александру I были открыты два знаковых университета Прибалтики: Дерптский (1802) и Виленский (1803). Первый университет император посетил буквально через месяц после открытия, по дороге в Могилев. Тесно связана с поездками Романовых и история Казанского университета. Так, в 1759 г. Павел I подарил Казанской гимназии (учрежденной Елизаветой Петровной) уникальное библиотечное собрание князя Потемкина-Таврического, а во время поездки в Казань (в 1798, вместе с сыновьями Александром и Константином) император проинспектировал эту гимназию. В свою очередь, Александр I издал Указ (1804) об образовании Казанского университета при данной гимназии, и уникальное собрание книг и рукописей легло в основу научной библиотеки университета. Нельзя не сказать и о том огромном вкладе (200 тыс. руб. на строительство клиники университета), который сделал Николай II во время посещения Казани в 1836 г.

Знаменитый Одесский (Новороссийский) университет обязан своим появлением поездке Александра II в Одессу в 1861 г. Во время этой поездки император дал разрешение на открытие университета. Кстати, Александр II более 17 раз посещал Одессу, не оставляя своим вниманием университет. Следует отметить, что в ряде изданий говорится о том, что Александр III никогда не посещал Одессы, однако, будучи в статусе наследника, цесаревич Александр Александрович посещал Одессу, и именно — Одесский университет. Кстати, одно из последних публичных появлений Николая II произошло также в Одессе, 11 мая 1916 г., на площади Куликовского поля перед студентами Одесского университета.

Столь же интересны факты истории Киевского, Томского, Варшавского университетов, связанные с поездками и путешествиями членов семьи Романовых.

Тщательное изучение связи истории и деятельности университетов Российской империи с жизнью и деятельностью Дома Романовых укрепляет мнение о том, что Романовы в своих поступках и решениях руководствовались, прежде всего, признанием университетов «благотворными заведениями для распространения нужных знаний в Отечестве» (из Указа Александра I об учреждении Казанского университета).

**«КАВКАЗ ЗАМЕР В ТРЕПЕТНОМ ОЖИДАНИИ...»
(К ИСТОРИИ ПУТЕШЕСТВИЯ АЛЕКСАНДРА III
НА КАВКАЗ В 1888 г.)**

Проблемы истории многонационального Юга России привлекают внимание исследователей уже не одно столетие. Исторические интерпретации происхождения народов, специфики общественного строя, особенностей экономического и политического развития, взаимоотношений с соседними странами и народами чрезвычайно разнообразны. Ярким примером такого разнообразия подходов и оценок, порой диаметрально противоположных, является Кавказская война — даже ее хронология не считается общепринятой. Несомненно, интерес к истории Юга России особенно усилился в последние десятилетия, что напрямую связано с существованием так называемого «метарегиона нестабильности» (от Балкан до Памира), где происходят перманентные конфликты, сталкиваются в вековом непонимании различные цивилизации, порождая все новые препятствия для поддержания существующего мироустройства.

Присоединение Кавказа к России продолжалось не один век, — вхождение многочисленных политических образований Кавказа в состав Российской империи происходило постепенно и окончательно завершилось только в царствование императора Александра II, который побывал здесь в 1871 г. вместе с наследником цесаревичем Александром Александровичем и великим князем Владимиром Александровичем. Ко времени воцарения на престоле Александра III положение на Кавказе было уже достаточно стабильным, поэтому его поездка 1888 г. во многом носила инспекционный характер и была продиктована не только желанием увидеть результаты бурной колонизации недавно завоеванных территорий, но и представившейся возможностью показать их своим сыновьям, один из которых должен был унаследовать самодержавную власть.

Путешествие императорской семьи длилось с 18 сентября по 17 октября 1888 г., и его маршрут предусматривал посещение Предкавказья, Кубанской области и Закавказья. Конечно, существовала определенная традиция царских посещений и приемов на местах, общение с местными жителями и знакомство с достопримечательностями происходили по одному и тому же сценарию: сначала почетная встреча с высокопоставленными людьми, офицерами, депутатами, смотр войск государем; затем приветствие учащейся молодежи; вручение подарков и «гостинцев», приготовленных для царственных особ, далее — праздник и гуляние для всего города или станицы. Везде царскую семью принимали с одинаковым восторгом и торжественностью, — во всяком случае именно такие свидетельства сохранились для нас благодаря очевидцам событий. Од-

нако следует подчеркнуть, что этот вояж отличался не только известной помпезностью и благолепием, но и, безусловно, имел важное государственное значение и был сопряжен со многими обстоятельствами внутренней и внешней политики России эпохи правления царя-миротворца. Тем не менее, в немногочисленных исследованиях об Александре III, которые по понятным причинам были опубликованы либо еще до революции (работы В. В. Назаревского, В. П. Мещерского, П. М. Ковалевского, А. А. Шевелева, А. Д. Попова и др.), либо в последние два десятилетия (см., например, работы А. Н. Боханова, О. И. Барковец и А. Н. Крылова-Толстикевича, О. Н. Михайлова, Е. П. Толмачева), об этой поездке писали в основном в связи с печально известными обстоятельствами крушения царского поезда на обратном пути у станции Борки. Представляется, что наличие разнообразных источников позволяет отнестись к ней с большим вниманием. Так, обширный круг воспоминаний участников и свидетельств современников (В. А. Потто, В. С. Кривенко, И. И. Дмитренко, С. Д. Шереметева, архимандрита Иерона, наследника Николая Александровича) дополняют материалы периодической печати, как центральной, так и местной. Подробности путешествия, в том числе и катастрофы 17 октября 1888 г., освещались в таких газетах как «Правительственный вестник», «Московский листок», «Северный Кавказ», «Кутаисские ведомости», «Батумь», «Кавказ» и др. На их основании можно составить более отчетливое представление о посещении Кавказа императором, при котором престиж России в мире заметно поднялся, а в самой стране воцарились спокойствие и порядок. Важнейшей целью своей деятельности Александр III считал сохранение самодержавной власти и государственной стабильности, а в отношении окраин империи он стремился к их тесному объединению с государственным центром, твердо придерживаясь идеи укрепления общероссийского единства при сохранении национальной самобытности подвластных ему народов. В этой связи путешествие императора на Кавказ стало ярким и значимым событием не только в жизни царской семьи, но и всего многонационального населения Юга России.

Г.Г. НУГМАНОВА

(Казанское представительство НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук)

**«КАЗАНСКИЕ ПОХОДЫ» РОССИЙСКИХ
ИМПЕРАТОРОВ: АРХИТЕКТУРНЫЕ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО «ПОКОРЕНИЯ»
КАЗАНСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ**

Путешествия членов царской семьи в провинцию были всегда больше, чем просто путешествия: в них присутствовал элемент символичес-

кого утверждения власти императора над определенной территорией империи. Поездки в завоеванные регионы приобретали коннотации вторичного завоевания в новых исторических условиях, на сей раз завоевания культурного. По оценке Уортмана, Екатерина Великая первой из русских правителей использовала церемониальные возможности поездок. В своем путешествии по Волжским городам в мае 1767 г., предпринятом накануне деятельности Уложенной Комиссии, императрица особое значение придавала посещению Казани. «Санктпетербургские ведомости» освещали ход путешествия под названием «Поход Ея Императорского Величества в Казань». Сознательно выбранный «Казанский» код путешествия по Волге связывается с символическим покорением подвластных земель Екатериной. Ритуально повторив спустя два с лишним столетия поход Ивана Грозного на Казань, императрица теперь распространяла на инородцев благотворные идеи Просвещения. Воочию увиденное в Казани этноконфессиональное многообразие империи способствовало зарождению европейской веротерпимости и ее дальнейшему законодательному закреплению, положившему начало повороту в имперской политике. Архитектурным выражением этого поворота стало строительство по личному разрешению прозорливой императрицы двух каменных мечетей в Старотатарской слободе Казани. С их появлением возродилась утраченная традиция монументального культового зодчества казанских татар, а императрица приобрела в их лице преданных подданных, любовно называвших ее впоследствии «эби-патша» («бабушка-царица»). Таким образом, путешествия венценосных особ не только являлись средством распространения церемониала правлений на провинцию (по Р. Уортману), но и способствовали формированию имперской политики. Архитектура, как самая визуально доступная область искусства, играла в этих процессах ключевую роль. В докладе рассматриваются архитектурные последствия «Казанских» путешествий российских императоров и членов их семьи — Петра I (1722), Екатерины II (1767), Павла I (1798), Александра I (1798), Николая I (1836), Александра II (1837, 1871), Александра III (1869, 1871), а также Великой княгини Елизаветы Федоровны (1910).

С.А. КОЧУКОВ

(Саратовский государственный университет)

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ НА БАЛКАНАХ В 1877–1878 гг. »

Активное участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. принимал наследник престола великий князь Александр Александрович. Если роль Александра II сводилась в основном к укреплению репрезентатив-

ной составляющей императорской власти и поддержанию ее имиджа, то великий князь Александр Александрович возглавлял одно из крупных боевых соединений Дунайской армии – Рушукский отряд.

Считается, что на позицию великого князя Александра Александровича повлияла Крымская война и им руководили реваншистские настроения. Разумеется, необходимо учитывать и этот аспект. Но будучи человеком военным, наследник престола понимал, что русская армия находится в стадии реформирования и к войне не готова. Выражая поддержку национально-освободительному движению на Балканском полуострове, он не был сторонником силового разрешения балканского вопроса. Русская армия, реформированная военным министром Д.А. Милютиним, еще не достигла того уровня, который обеспечивал бы уверенность в войне против Османской империи.

Великий князь Александр Александрович был достаточно хорошо ознакомлен с ситуацией на Балканском полуострове. Информацию он получал не только из прессы, но и от генерала Р.А. Фадеева, который находился в Сербии. Это, по сути, и явилось импульсом к стремлению цесаревича посетить Балканы.

Хотя император Александр II и великий князь Александр Александрович прибыли в Дунайскую армию 25 мая 1877 г., наследнику было еще совершенно неизвестно, чем он будет заниматься. Назначение наследника престола на должность командира Рушукского отряда было не самым удачным решением. Во-первых, вел. кн. Александр Александрович имел достаточно посредственное военное образование. Кроме того, он сам совершенно не считал себя человеком военным. Во-вторых, возникала угроза столкновений с главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем. Наследник престола хотел действовать самостоятельно.

Прибыв на Балканский полуостров, он еще больше свыкся с мыслью, что российское общество, как и славяне на Балканах, настолько «жаждут» вооруженного столкновения с Османской империей, что остановить этот процесс «милитаризации» социума было невозможно никакими мерами. Сама идея участвовать в этом процессе цесаревичу явно импонировала. Это давало возможность великому князю напрямую соприкоснуться с «освободительной миссией», а главное, встретиться с «братьями-славянами». В официальных донесениях главнокомандующему наследник престола фактически не выражал своего мнения относительно пребывания на фронте. Александр Александрович «изливал душу», описывая свои поездки по освобожденной территории лишь в письмах к своей жене и К.П. Победоносцеву.

Но самое важное было то, что даже после взятия Плевны Рушукский отряд продолжал выполнять второстепенные задачи. Это, однако, не мешало цесаревичу утвердиться во мнении, что его пребывание на Бал-

канском полуострове было познавательным не только с точки зрения военного дела, но являлось необходимой государственному деятелю школой.

О.В. СОКОЛОВСКАЯ

(Институт славяноведения РАН)

РОМАНОВЫ В ГОСТЯХ У ГРЕЧЕСКОЙ КОРОЛЕВЫ ОЛЬГИ, СЕРЕДИНА XIX — НАЧАЛО XX вв.

Доклад посвящен членам Романовской семьи, гостившим у греческой королевы Ольги, урожденной великой княжны Ольги Константиновны, дочери великого князя Константина Николаевича, которая еще в 1867 г. в 16-летнем возрасте была выдана за греческого короля Георга I.

Королева, полюбив свою новую родину — Грецию, прекрасно зная ее народ и язык, все же очень скучала по России. Поэтому гости всегда были для нее истинной отрадой и утешением. Гостей принимали в королевских дворцах в Афинах и на Корфу, а также в летней резиденции Татой, построенной королем в 1873 г. Среди сотен гостей были и Романовы.

Первыми гостями Ольги в Афинах были ее мать, великая княгиня Александра Иосифовна и братья — великие князья Николай и Вячеслав, которые прибыли к рождению первенца Ольги и Георга I — принца Константина, будущего греческого короля. В 1871 г. она провела две недели на Корфу с великой княгиней Марией Федоровной, будущей российской императрицей, родной сестрой короля Георга. Они пронесли дружбу через всю жизнь, а судьбы их оказались во многом схожими.

Самым дорогим гостем был ее младший брат великий князь Константин Константинович, будущий президент Академии наук, поэт-романтик К.Р. Впервые 16-летний юноша-гардемарин посетил старшую сестру на Корфу осенью 1875 г. во время своего дальнего плавания на фрегате «Светлана», командовал которым ее кузен великий князь Алексей Александрович, будущим адмиралом.

Во время кругосветного плавания на фрегате «Герцог Эдинбургский» Константин провел лето и начало осени 1881 г. у сестры в Татое. Здесь, на древней земле он осознал себя поэтом, а сестра Ольга чутко уловила поэтический талант брата. В апреле 1883 г. Константин вновь в Афинах, где были написаны многие из его лучших стихов. Именно в Греции Константин Константинович решил резко изменить свою жизнь, навсегда расставшись, к ужасу отца, с флотом.

В это же время в марте 1883 г., отец Ольги наконец-то посетил в Афинах греческое семейство, в котором было уже шестеро детей. Он не только радовался внукам, но наслаждался посещением древностей, в

которых прекрасно разбирался. Здесь он познакомился со знаменитым археологом Г. Шлиманом. Ольга вспоминала, как они втроем в библиотеке сидели за большим столом, «усердно писали» и разговаривали «под шумок кипящего самовара». Отец больше никогда не бывал в Греции, а Константин приезжал еще в 1892, а затем в 1899 гг.

В декабре 1883 г. в Афины надолго приезжал кузен, великий князь Павел Александрович, младший сын императора Александра II, который страдал болезнью легких. Многочасовые прогулки вдоль моря и теплый климат сделали свое дело. Королева начала строить планы о его сватовстве к старшей дочери Александре, но та через два года умерла.

Еще больше радовалась греческая королева пребыванию под ее кровом в октябре-ноябре 1889 г. «дорогого цесаревича» Николая, пришедшего на судне «Адмирал Корнилов». Через год цесаревич Николай вновь со свитой посетил Афины, где забрал в знаменитое плавание на крейсере «Память Азова» принца Георга Греческого, друга детства. В мае 1900 г. на Корфу было много гостей из России, которые прибыли на свадьбу греческой принцессы Марии с Павлом Александровичем на броненосце «Александр II».

В годы Первой мировой войны, во дворце случился пожар и подруга Ольги Константиновны, жена контр-адмирала А.Г.Бутакова-2-го, напишет ей: «Много дорогих сердечных воспоминаний погребено под развалинами [...] но тысячи людей прошли через него и сохраняют в сердцах все благородное, доброе, что вынесли они от его царственных владельцев [...] сколько людей было согрето там добротой Вашего Величества! В благодарной памяти Татой жив и будет жить!»

Н.Г. СТРУНИНА

(Институт славяноведения РАН)

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЕ СЕМЬИ ПЕТРА И НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧЕЙ РОМАНОВЫХ В ДОРОГЕ

Семьи великих князей Петра и Николая Николаевичей объединяет не только то, что они доводились друг другу родными братьями, но и то, что их жены-черногорки были родными сестрами.

Переписка Петра Николаевича и его супруги Милицы Николаевны, хранящаяся в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 653 — Петр Николаевич и Ф. 669 — Милица Николаевна), не только дает яркое представление о взаимоотношениях супругов, но и рассказывает о поездках, которые те совершали по отдельности, прежде всего — Милица. Она довольно часто путешествовала по Европе, навещала свою родину Черногорию, куда отправилась и в период Балканских

войн (1912—1913 гг.), чтобы вести активную деятельность по оказанию помощи раненым¹.

Среди современников Милицы Николаевны бытовало мнение, что она всячески интересовалась политикой и даже пыталась оказывать влияние на политическую линию Российской империи, а черногорские историки не исключают, что великая княгиня была неофициальным представителем Черногории в России².

Великий князь Николай Николаевич (младший) и Анастасия (Стана) Николаевна вступили в брак в 1907 г. Для Станы это был второй брак, с 1889 г. она была женой герцога Георгия Максимилиановича Романовского, разрешения на развод с которым добивалась довольно долго.

В августе 1910 г. по поводу 50-летия своего правления черногорский князь Никола Петрович-Негош провозгласил себя королем, а Черногорию королевством. По этому поводу Николай II назначил Николу фельдмаршалом российской армии. Для вручения фельдмаршальского жезла от имени императора в Черногорию отправился великий князь Николай Николаевич. Вместе с ним ехала и семья его брата Петра Николаевича.

Николай Николаевич, как официальный представитель императора, был встречен черногорским народом с невероятным энтузиазмом, а его «путь от Антивари до Цетинья был как бы триумфальным шествием», не умолкали крики: «Живио Русский царь, живио Россия»³. В честь великого князя был устроен званый обед, на котором помимо великокняжеских семейств присутствовали принц Франц-Иосиф Баттенбергский с супругой, личный состав русской императорской Миссии, начальник русской эскадры с командирами судов и проч.

Цетинские торжества, приезд великого князя Николая Николаевича в качестве представителя российского императора, вызванный этим невероятный энтузиазм черногорского народа и вручение королю Николу фельдмаршальского жезла — всё это изумило представителей других европейских государств, которые стали интерпретировать действия России в Черногории в новом ключе. Австро-Венгрия стала считать Черногорию «передовым послом России на Балканах»⁴.

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 653. Оп. 2. Д. 159. Л. 5, 6, 9, 10.

² *Распоновић Р.* Милица Николаевна Романова као дипломатски заступник Црне Горе у Русији на почетку XX вијека // Црна Гора и Русија. Огледи и есеји. Београд—Подгорица, 2005. С. 383.

³ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 340 — Личные фонды. Оп. 854. — Личный архив С.В.Арсеньева. Д. 3. Л. 57—58.

⁴ Там же. Л. 58.

НИКОЛАЙ II В СТАВКЕ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО В МЕСТЕЧКЕ БАРАНОВИЧИ (1914—1915 гг.)

Ставка Верховного Главнокомандующего — орган высшего полевого управления войсками и местопребывание верховного главнокомандующего вооруженными силами России на театре военных действий во время Первой мировой войны — находилась в местечке Барановичи в Белоруссии с июля 1914 по 8 августа 1915 гг. Должность верховного главнокомандующего со 2 августа 1914 г. занимал великий князь Николай Николаевич. Ставка Верховного Главнокомандующего в течение первого года войны располагалась в лесу, возле казарм железнодорожной бригады. В первом вагоне находились великий князь Николай Николаевич и его брат Петр Николаевич, в других вагонах — свита (начальник штаба генерал А. Янушкевич, генерал-квартирмейстер Ю. Данилов с офицерами своего управления, протопресвитор военного духовенства Г. Шавельский, представители союзных армий). В Ставке имела канцелярия, секретная аппаратная и военно-полевая церковь.

Российский император посетил Ставку в Барановичах десять раз. Зачастую без торжественности царский поезд прибывал на пустующие железнодорожные пути. Поезд состоял из одиннадцати вагонов. Часть из них предназначалась для императорской семьи и свиты императора. Другие вагоны занимал багаж, кухня, служебные помещения, последний вагон использовался как церковь. «При первом и втором путешествиях Николай II в сентябре и октябре 1914 г., из Царского Села напрямую отправлялся в Ставку Верховного Главнокомандующего, где проводил по нескольку дней. По прибытии в Ставку первый раз 21 сентября 1914 г. Его Величество прямо из поезда отправился в местную военнополодную церковь, где был отслужен молебен о благополучном прибытии Его Величества и о даровании победы нашей армии и союзникам. Здесь уместно упомянуть, что в этом военнополодном храме находится древняя чудотворная икона-складень “Явление Божией Матери преподобному Сергию”, сопровождавшая российские войска во всех военных походах со времен Алексея Михайловича. Икона эта привезена была в военнополодную церковь при Ставке из Троице-Сергиевой Лавры в начале августа 1914 г. по особому высочайшему повелению»¹.

Царь последовательно вел свой дневник. Последние записи сделаны за несколько месяцев до захвата Барановичей немцами и перевода Став-

¹ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии. Сентябрь–октябрь 1914 г. СПб., 1915. С. 2.

ки в Могилев. Из дневника Николая II. 1915 г.: «10 мая. Воскресенье. Великолепный день. После завтрака сделал прогулку на моторе и пешком по окрестностям Барановичей и вернулся только к 18.00. Вечером дышал чудным воздухом здешнего леса. 11 мая. Понедельник. Жаркое утро. В 2:25 отправился за тридцать с лишним километров к очень красивому озеру Свитязь, которое обошел кругом. На обратном пути был сильный дождь, который был сильным и в Барановичах. 11 июня. Четверг. В 4:45 приехал в Барановичи. Доехал до Ставки в 5.30. Здесь для поезда устроен навес. В роще напротив поставлена палатка — столовая, где мы и обедали; рядом кухня в общем бараке. После обеда был короткий общий доклад»¹. В связи с приближением фронта и отступлением русской армии 9 августа 1915 г. Ставка была переведена в Могилев.

В.В. СКУРЛОВ

(Русский отдел Аукционного дома «Кристи», Москва / Санкт-Петербург)

ФАБЕРЖЕ И РОМАНОВЫ: ПОДАРКИ ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВИЙ

Всемирно известный ювелир Карл Фаберже (1846—1920) с 1866 г. работал для Кабинета его величества и по состоянию на 1885 г. поставил различных изделий и предметов на сумму более 47 тыс. руб. После присвоения звания Поставщика высочайшего двора 1 мая 1885 г. Фаберже завел особую инвентарную книгу «кабинетских подарков». В 1900 г. в ней было 1 200, а к 1917 г. — 5 тыс. записей. Некоторые из них означают не одно, а несколько, иногда десятки изделий. В годы царствования Александра III пожаловано 9 688 шт. высочайших подарков из Кабинета его величества на сумму 4 179 387 руб. При императоре Николае II ежегодно вручалось около 2 000 подарков на сумму около 500 тыс. руб., т. е. средняя стоимость подарка составляла 250 руб. Более трети подарков составляли часы, практически все от фирмы Буре. Отличительная особенность таких часов — «орёл» — государственный герб на крышке. Серебряные часы стоили 29—40 руб., золотые 60—100 руб. Не менее двух третей «кабинетских подарков» вручались российским и иностранным подданным во время высочайших путешествий, а также путешествий членов императорской семьи.

В 1896 г. было вручено 2889 подарков (в том числе 1 091 по случаю коронации) на сумму 868 тыс. руб. В 1883 г., во время предыдущей коронации число пожалований составило 2 860. В 1904 г. было пожаловано 3 800 подарков на сумму 641 тыс. руб., почти вдвое больше «годовой нормы», что было связано с рождением наследника — цесаревича Алексея. В 1913 г. — по случаю 300-летия Дома Романовых общая стоимость подарков составила 775 тыс. руб. (их количество не подсчитано). Исследователи отмечают,

¹ Барановичский краеведческий музей. Ф. 342. Оп. Д. 1. Л. 35.

что два последних императора (Александр III и Николай II) отдавали изделиям фирмы Фаберже несомненное предпочтение. Будучи цесаревичем, в 1890—1891 гг. Николай Александрович только во время своего восточного вояжа вручил несколько десятков подарков «от Фаберже». Это связано не только с высочайшим качеством изделий, но и с новыми моделями («фасонами») в традиционном ассортименте и его расширением — появлением «фантазийных» предметов, механических игрушек, функциональных предметов (электрические звонки, термометры в ювелирном исполнении, даже украшения для капота автомобиля). Такие вещи с радостью принимались многочисленными зарубежными родственниками семьи Романовых. Особенно велика заслуга Фаберже во внедрении подарков, исполненных из сибирских и уральских поделочных и полудрагоценных камней.

Подготовка подарков для разных стран в Камеральной части Кабинета постепенно ставилась на научную основу. Восток и Запад требовали совершенно разных подходов. В восточных деспотиях любили богатые подарки, в том числе многочисленным сановникам. Соблюдался принцип адекватности подарков, поэтому при оценке зарубежных подарков прибегали к помощи экспертов. Во всём мире знали, что нефритовые предметы — это визитная карточка русского императора. Например, нефритовый поднос, украшенный драгоценными камнями и золотой арматурой работы Фаберже, в 1905 г. был подарен на свадьбу германскому принцу Генриху.

Ежегодно Кабинетом приобретались вещи, в основном ювелирные украшения, для подарков, которые преподносились членам императорской семьи и европейских королевских домов. К «дипломатическим подаркам» относят драгоценные вещи, жаловавшиеся монархами во время зарубежных поездок. Сюда же входили подарки иностранным дипломатам и членам их свит, посещавших Россию с визитами, и подарки, проходящие через русские дипломатические миссии. К третьей подгруппе относятся подарки, носившие частный характер — поварам, певчим, лакеям и т.д. Как правило, жаловались серебряные и золотые карманные часы с цепочками и без, запонки и другие «обычные подарки». Запись о пожаловании шла в послужной список с указанием, за что произведено награждение.

На основании архивных документов, хранящихся в Российском государственном историческом архиве и Государственном архиве Российской Федерации нами проведен подсчет изделий Фаберже, приобретенных членами императорской семьи. Итог: 17 500 вещей на общую сумму 2 100 000 руб., при средней цене 120 руб. за изделие. Императорская семья приобрела 10 % всей продукции фирмы Фаберже за 28 лет (1890—1917 гг.). Исследования по истории Кабинетских подарков находятся в начальной стадии. Они актуальны не только в познавательном, но и практическом аспекте, поскольку в Министерстве Императорского двора и других министерств (прежде всего Министерства иностранных дел) накоплен громадный опыт формирования коллекции подарков и была налажена система их преподнесения.

М.В. ЛЕСКИНЕН

(Институт славяноведения РАН)

РОМАНОВЫ В ФИНЛЯНДИИ XIX в.: УТОПИЧЕСКИЙ ТОПОС ИМПЕРАТОРОВ И ИДЕАЛ ПОДДАННЫХ ИМПЕРИИ

Представители династии Романовых — как императоры, так и члены их семей, с 1809 по 1917 гг. (в период существования Великого Княжества Финляндского в составе Российской империи) неоднократно посещали Финляндию с разными целями — с инспекционными поездками, в ходе военных смотров, с дипломатическими целями, а также для отдыха. Одним из главных частных впечатлений царствующих особ было восприятие жителей ВКФ как этнически и культурно отличных от «своих» — великоруса, русского, абстрактного «типичного» подданного Империи. Характеристики «чухонцев» впрочем, не выходят за границы распространенных русских стереотипов о финнах и Финляндии, в которых нашли отражение прежде всего свойства темперамента и нрава (угрюмость, молчаливость, суровость), а также приметы «западного» (т.е. просвещенного) крестьянского народа (трудолюбие, честность, смирение, развитое чувство собственного достоинства). Отличительные свойства финляндцев (финнов и шведов) связывались — в духе господствовавших в ту эпоху концепций духа народа и национального характера — прежде всего с природными условиями, традициями протестантского просвещения и лишь отчасти — с вероисповеданием.

Лейтмотивом в области оценочных суждений стала лояльность всего народа, законопослушание и верность конкретных граждан Великого княжества, проявления которой бросались в глаза во время польских восстаний, кавказской войны и революций в Европе. Отношение к Финляндии и ее жителям особенно ярко проявлялось во время общения императоров с «простыми» финнами во время их семейного отдыха на самой «мирной» окраине Империи. Финляндия довольно долго (до 1890-х гг.) ассоциировалась с идеальной имперской окраиной, подтверждая возможность взаимовыгодного, мирного и благополучного сосуществования разных народов Империи под самодержавным скипетром.

Е.Е. ЛЕВКИЕВСКАЯ

(Институт славяноведения РАН)

ПУТЕШЕСТВИЯ РОМАНОВЫХ В РАМКАХ 300-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ ДИНАСТИИ

Семантика и структура юбилея, как определенным образом организованного ритуала, во многом зависит как от фигуры самого юбиляра,

так и от того сообщества, от лица которого происходит его чествование. В данном докладе речь пойдет о коллективном юбилеаре, 300-летие которого отмечалось в России в 1913 г., — династии Романовых. Сверхзадачей юбилея является сплочение того или иного сообщества через обращение к какому-либо прошлому событию, коллективное воспоминание о котором актуализирует определенные ценности, важные для всех его членов. Но юбилей может быть рассмотрен и как многоуровневая коммуникативная ситуация, в рамках которой порождается сложноорганизованное послание, смыслы которого понятны для всех сторон, участвующих в юбилее. Собственно сам юбилей и затевается для того, чтобы эксплицировать и подтвердить эти смыслы — это одна из его основных целей. В рамках настоящего доклада будет рассмотрена семантика юбилейных путешествий семьи Романовых в 1913 г. как определенного «высказывания», предназначенного «граду и миру». Нас будет интересовать выбор маршрутов (Петербург, центральные области Московской Руси, связанные с событиями 1613 г. и избранием на царство Михаила Романова, позже — торжества в Крыму), маркированные места остановки и их наполненность ритуальными событиями (открытием памятников, парадами, шествиями, приемами, торжественными обедами и т.д.). Таким образом, сам путь, выбранный в рамках юбилейных торжеств, прочитывается как определенный «текст» в семиотическом смысле слова, обращенный правящей династией своим подданным. Доклад будет посвящен анализу этого «текста» и тому, с помощью каких ритуальных событий формировался его смысл.

П.С. КУПРИЯНОВ

(Институт этнологии и антропологии РАН)

МИХАИЛ РОМАНОВ НА «КРАЮ ЗЕМЛИ»: АНАТОМИЯ ЛОКАЛЬНОГО МИФА

Михаил Никитич Романов — дядя первого царя династии Михаила Федоровича, брат Федора Никитича Романова (патриарха Филарета), в 1600 г. был вместе с братьями обвинен в заговоре против государя и по приговору суда выслан в деревню Нырбку (ныне — поселок Нырб Чердынского района Пермского края), где погиб, заточенный в яме. В 1606 г. его останки были перевезены в Москву и перезахоронены в Новоспасском монастыре. Между тем в Нырбе возникла традиция почитания «царственного узника», поддерживаемая и в настоящее время. В докладе речь пойдет о том, как история Михаила Романова интерпретируется в местном фольклоре и какую роль она играет в локальном мифе Ныроба.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Черная Л.А.</i> Паломничества по святым местам первых царей из дома Романовых в XVII в.	3
<i>Тотьчанов А.В.</i> Царская загородная резиденция vs. Москва: политические конфликты второй половины XVII в.	4
<i>Штенпан К.</i> Романовы как «экскурсоводы»: поездки с австрийскими дипломатами к достопримечательностям Российской империи	4
<i>Болотина Н.Ю.</i> Последний путь царевны Прасковьи Ивановны: церемониал похорон члена императорской фамилии Романовых.	5
<i>Ибнеева Г.В.</i> Екатерина II и российское дворянство в церемониале императорского путешествия	6
<i>Бессарабова Н.В.</i> Путешествия Екатерины II по России в публикациях газет «Московские ведомости» и «Санктпетербургские ведомости»	8
<i>Хаванова О.В.</i> Пребывание цесаревича Павла Петровича в Вене в 1781–1782 гг.: «умное» путешествие просвещенного монарха	9
<i>Джюкич М., Клевинг К.</i> Репрезентация и отправление монархической власти: «императорские» путешествия Иосифа II и Франца I (1768-1835)	10
<i>Меркулов И.В.</i> Александр I при Главной квартире во время Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов глазами осударственного секретаря А.С. Шишкова	11
<i>Кирилина Л.А.</i> Пребывание Александра I на конгрессе в Лайбахе в 1821 г.	13
<i>Беспалая Е.В.</i> Последний путь странствующего императора Александра I	14
<i>Каишанова О.С.</i> Путешествия великого князя Константина Павловича в системе военно-политических и династических интересов Российской империи	16
<i>Фиштова Н.М.</i> Варшавская коронация Николая I в 1829 г.: русский и польский взгляды.	17
<i>Гафурова З.Р.</i> Университеты Российской империи в дорожной карте Романовых	18
<i>Мещенина А.А.</i> «Кавказ замер в трепетном ожидании...» (к истории путешествия Александра III на Кавказ в 1888 г.)	20
<i>Нугманова Г.Г.</i> «Казанские походы» российских императоров: архитектурные репрезентации культурного «покорения» Казанского Поволжья в Новое время	21
<i>Кочуков С.А.</i> Великий князь Александр Александрович на Балканах в 1877–1878 гг.»	22
<i>Соколовская О.В.</i> Романовы в гостях у греческой королевы Ольги, середина XIX – начало XX вв.	24
<i>Струнина Н.Г.</i> Великокняжеские семьи Петра и Николая Николаевичей Романовых в дороге	25
<i>Кобрин М.В.</i> Николай II в Ставке Верховного Главнокомандующего в местечке Барановичи (1914–1915 гг.)	27
<i>Скурлов В.В.</i> Фаберже и Романовы: подарки во время путешествий	28
<i>Лескинен М.В.</i> Романовы в Финляндии XIX в.: утопический топос императоров и идеал подданных Империи	30
<i>Левкиевская Е.Е.</i> Путешествия Романовых в рамках 300-летнего юбилея династии.	30
<i>Куприянов П.С.</i> Михаил Романов на «краю земли»: анатомия локального мифа	31